

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу Юрасова Андрея Александровича на тему «Время в структуре субъективной реальности», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 — онтология и теория познания

Проблема времени – что такое «время», в чем его суть, как его описать, как им управлять – это традиционная философская проблема, которая нашла отражение, начиная с изречений «семи мудрецов». Поэтому крайне важно поднять вечную, по сути вневременную тему «времени» в контексте современных достижений когнитивных наук, нейронаук, искусственного интеллекта. В свете этих наработок тематика времени конструктивно вводится в технологический контекст конвергентного развития НБИКС-комплекса.

Особую актуальность работе придает связь проблемы «времени» с проблемой «сознания», которая доминирует в современной философии. В работе изучаются вопросы – как описать, объяснить, воспроизвести причинные связи психических феноменов «времени» в контексте изучения естественных нейромозговых коррелятов психической активности.

Решение проблемы «времени» в философском контексте исследований является главной относительно обозначенных выше технологических трендов в сферу персональной и социальной жизни. Поэтому цель работы – получить новое, предельно обобщенное, теоретическое знание о «времени» в структуре субъективной и объективной реальности. Способ философской рефлексии представлен в многомерном, дименсиональном формате: проблема «времени» погружена в единое поле, образованные путем слияния в единое целое онтологических, гносеологических, аксиологических и праксеологических исследовательских программ.

Для достижения цели ставятся задачи: 1) анализа философских концепций, в которых представлены субъективные аспекты времени; 2) изучения основных научных подходов к анализу временной («темпоральной», в соответствии со словарем диссертанта) структуры субъективной реальности; 3) разработки концепции ментального времени – т.е. «времени», переживаемого в сознательном опыте, и, на основе этой концепции: 4) описания феномена времени в сознании и 5) анализа проблемы онтологического статуса течения времени.

Первые две задачи решаются в первой главе «Исследования субъективных аспектов времени в философии и науке». Остальные задачи – во второй главе «Концепция ментального времени».

Решение первых двух задач и обоснование первого положения, выносимого на защиту, осуществляется как на философском уровне (первый параграф), так и на научном уровне (второй параграф). Историко-философские

исследования затрагивают различные философские направления изучения феномена времени. Диссертант не следует некоторой фиксированной позиции. В сферу его исследовательского интереса входят не только рационалистические течения: модальная логика Аристотеля, феноменология Гуссерля, темпоральная логика Д.Э.Мак-Таггарта, аутопойезис Ф.Варелы, философия сознания Д.И.Дубровского. В предмет исследования попадают и иррационалистические направления – богословская концепция Августина, философия жизни А.Бергсона, экзистенциализм М.Хайдеггера, постмодернизм Ж.Делеза и пр. Такой многомерный подход подчеркивает обоснованность первого положения, выносимого на защиту: представление о связи субъективных аспектов времени с его противоречивостью является традиционным для философии. При этом диссертант достаточно справедливо полагает, что противоречивость «времени» обусловлена динамическим аспектом представления. А так как динамическое и механическое (статическое, в терминологии диссертанта) представления принципиально различимы, и если для механического представления времени описание хронологии событий общеупотребимо, то для динамического представления это не так. Именно здесь возникает необычная для «здорового смысла» конструкция времени: «события переходят из будущего в прошлое через настоящее».

Но здесь мы вынуждены признать, что такой ход течения времени является не совсем понятным. В самом деле, мы не найдем схемы «будущее-прошлое-настоящее» ни в поэтических дескрипциях динамического времени, например, у Ж.Делеза в «Логике смысла», где «хронологический» ход времени «прошлое-настоящее-будущее» противопоставляется «эоническому» ходу: «будущее-прошлое». Конструкции, предложенной диссертантом мы не найдем так же в рациональных дискуссиях основателей темпоральной логики (Рассел, Мак-Таггарт). Суть этих дискуссий достаточно четко отражена в диссертационной работе (С.22-24). В последующем предложенный диссертантом ход времени принимается безоговорочно верным и, далее, при переходе к научным способам изучения времени, диссертант утверждает в презумпции истинности, следующее: «Когда, например, субъект воспринимает некоторое событие (то есть когда у него возникают образы восприятия), он переживает течение времени в отношении этого события: оно переходит из будущего в прошлое через настоящее» (С.43). Но, погружаясь в научное исследование времени, мы должны четко представлять, какие именно способности сознания обеспечивают связь «будущее-прошлое-настоящее». Возможно, что психологическими коррелятами предложенной схемы темпоральной феноменологии являются «предвосхищаемые переживание будущего события» – замутненное из-за забывчивости переживание прошлого события – наконец, настоящее переживание актуального положения дел, т.е. переживание «теперь». Однако такая схема в последующем не подпадает в схему времени, предложенную Д.И.Дубровским на основе анализа оппозиции «актуальное/диспозициональное»: «настоящее-прошлое-будущее» (С.30). Но именно такой парадигмы придерживается диссертант в части раскрытия течения времени относительно переживания «квази-теперь».

Несмотря на отмеченную неопределенность первого положения, после прочтения первой главы понятным то, что логическим условием концептуального представления субъективного времени является фиксация логического противоречия представлению времени. Отсюда возникает ряд оппозиций, которые сопровождают такое представление «времени»: «непрерывный/дискретный», «конечный /бесконечный феномен», «субстанциональная/реляционная природа феномена времени» и пр. Явная фиксация логического противоречия далее (в главе 2, С.65) позволяет диссертанту предложить интересную концептуальную конструкцию – фреймовую негацию, которая обозначает феномен отрицания одного фрейма другим фреймом при экспликации переживания настоящего времени (времени «квази-теперь»). Если субъективное представление времени логически противоречиво на фундаментальном уровне, то и на теоретико-модельном уровне это справедливо, так как «негация является сущностью течения времени и ... проявляется во всех основных свойствах течения времени — стадиальности, длительности, направленности, равномерности и перманентности» (С.65). Такой вывод представляется корректным и обоснованным.

Более четко обоснован второй пункт положений, выносимых на защиту: «В основе феномена психического настоящего лежит осознание полного тождества Я самому себе. Продолжительность психического настоящего является продолжительностью временного интервала, на протяжении которого длится такое осознание. Это связано с тем, что Я в настоящем не полностью тождественно Я в прошлом и в будущем» (С.11). Данные утверждения нашли обоснование не только в контексте философско-феноменологических исследований, но и в нейрофилософских исследованиях таких авторов, как Варела Ф., Алюшин А.Л., Бушов Ю.В., Вудроу Г., Головаха Е.И., Князева Е.Н., Крачфилд Р., Креч Д., Кроник А.А., Ливсон Н., Ральникова И.А., Цуканов Б.И. и мн.др.

При обосновании 3 пункта положений, выносимых на защиту, диссертант задается целью представить в едином формате – в формате темпоральной структуры сознания – две взаимосвязанные подсистемы: ментального времени (то есть того, что существует в сознании человека в форме переживания, или, скажем, как квалиа) и модели объективного времени, т.е. репрезентативной формы переживания «времени». При этом диссертант по сути выполняет роль «инженера по знаниям», но не в смысле проектирования интеллектуальных информационных систем, а в смысле концептуального проектирования нейроинтерфейса. Явно и неявно он использует достаточно сложный инструментарий современной инженерии знаний.

В явной форме диссертант использует фреймовую парадигму, согласно которой течение времени кадрировано когнитивными рамками. Течение времени формируется кинематическим способом, т.е. по аналогии, с тем, как статические кадры кинофильма формируют явление движения. Во фреймовых моделях «времени» выделяются либо специальные фреймы, характеризующие временные параметры, либо в составе фреймов формируются слоты, задающие представления о времени. На наш взгляд, диссертант для выраже-

ния идеи о течении ментального времени и связи ментального времени с объективным временем, разработал оригинальную фреймовую модель «времени», где фрейм (как когнитивный кадр), включает необходимый слот – «смежность» (С.47). Другие слоты выражают достаточные условия моделирования времени – продолжительность, порядок следования, подобие, статус события, представленного во фрейме (состоявшееся, вполне определенное, известное, не возникшее, возможное, неизвестное и пр. события). Данный слот «смежности» имеет не только параметры, в которой фиксируется гомеоморфное отображение одного фрейма на другой. Самое главное, с моей точки зрения, он имеет операциональную функцию «негации», отрицающей один фрейм и подставляющая вместо него другой в порядке и свойствах течения времени, указанных в других слотах.

Для фреймовой парадигмы имеется самая главная проблема, неразрешимая в контексте классического компьютерного моделирования – «проблема фреймов»: как перейти от частных описаний к целостному описанию явления или, применительно к нашему случаю, как сформировать из серии негаций фреймов течение времени. С учетом 2 пункта положения, согласно которому «Я» является носителем фреймов, данная проблема снимается. Здесь прослеживается постнеклассический подход к компьютерному моделированию.

При обосновании данного пункта положения диссертант использует и другие парадигмы концептуального моделирования «знаний» о времени. Он пользуется аппаратом темпоральных логик, которые достаточно правдоподобно моделируют естественно-языковые понятия, суждения и умозаключения о времени. Семантико-сетевая парадигма проявилась в том, что диссертант достаточно четко отличает ментальные феномены, т.е. что происходит на уровне человеческого сознания, смысла, переживания «времени» от способа репрезентации этих феноменов (модельного объективного «времени»). Таким образом, мы видим четкое деление на интенциональную и экстенциональную части семантической сети, характерное для данной парадигмы представления «знаний». Продукционная парадигма также неявно участвует в концептуальных построениях диссертанта. Согласно этой модели, «время» представимо в виде диспозиций к поведению, причем каждая из диспозиций разложима на последующие составляющие. Эти составляющие в свою очередь, делятся далее и т.д. Данную форму деления продукций при выборе определенного масштаба рассмотрения можно привести к континуальной форме, если следовать способу представления феноменов «Теперь», предложенную Гуссерлем (С.29-30). Такое непрерывное деление по аналогии можно перенести на продукционное представление порядка появления фреймов, которые актуализируются относительно течения «настоящего» в формате «квази-теперь» (С.57, С.59).

Тот факт, что, диссертант явно и неявно пользуется многообразными приемами современной когнитивной науки, прошедшими апробацию в методах концептуальной инженерии искусственного интеллекта, позволяет су-

дить о достаточной степени обоснованности третьего положения, выносимого на защиту.

Четвертый пункт положения, на первый взгляд, логически некорректен, так как содержит дефинитные тавтологии. Так, согласно определению диссертанта «*Продолжительность настоящего предполагает, что оно содержит временной интервал определенной продолжительности*». В свою очередь, «*синхронность настоящего означает одновременность всего, что происходит в настоящем*». Однако при более внимательном рассмотрении, когда этот, тавтологично сформулированный пункт, находит обоснование в хайдеггеровском понимании времени, суть которого формулируется так «Время на то и время, что оно временит», возражение снимается. Более того, анализ этого пункта более четко выявляет философские интенции автора – привлечь к изучению времени как можно большее количество философских направлений, включая иррациональные течения.

Пятый пункт положения, согласно которому «продолжительность настоящего является неотъемлемым аспектом течения времени, однако продолжительность психического настоящего определяется не продолжительностью настоящего в объективном времени, а особенностями функционирования мозга», доказывается с опорой на достаточно широкий спектр психофизиологических опытов.

Обоснование положений, выносимых на защиту, позволяет автору сделать вывод о том, что тезис о субъективности течения времени подтверждается аргументом продолжительности настоящего. В свою очередь, ментальное время является фактором единства сознания и конституирует личностные смыслы, с учетом аксиологических и праксеологических контекстов. При этом темпоральная структура сознания имеет нейрофизиологические корреляты тех отношений, которые ее составляют. И, далее, следуют рекомендации по развитию концепции исследования времени в контексте информационно-кодowego подхода к решению проблемы «сознания».

Таким образом, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, считается вполне приемлемой.

Достоверность и научная новизна исследования определяется следующим: в работе выявлены и описаны основные аспекты темпоральной структуры сознания; представлена модель течения времени в сознании; обосновано, что ментальное время является фактором единства сознания; предложена трактовка понятия скорости течения времени; показано, каким образом особенности ментального времени связаны с концептуальными оппозициями интерпретациями времени как субъективного/объективного, динамического/статического, дискретного/непрерывного, конечного/ бесконечного, субстанционального/реляционного; представлена новая аргументация для подтверждения статической концепции времени; показано, каким образом ак-

сиологические аспекты времени определяются особенностями темпоральной структуры сознания.

Оценка автореферата в системе "Антиплагиат" показывает отличные показатели: оригинальность - 95.52%, заимствования - 4.48%. Оценка текста диссертационной работы: оригинальность - 94.63%, заимствования - 5.37%.

Результаты данного исследования целесообразно применять не только для развития онтологии и гносеологии, но и в прикладных областях, например, в методологии искусственного интеллекта и, в частности, в «инженерии знаний». Диссертант разработал достаточно интересный подход к концептуальному моделированию «времени» в системах управления знаний. Так же работа востребована в нейрофилософии как методологии нейронауки в связи с изучением нейромозговых коррелятов психической активности.

Наибольшую теоретическую и практическую значимость работа представляет для становления, по сути, новой прикладной философской дисциплины – философии времени. Приведенные и обоснованные во второй главе онтологические, гносеологические, праксеологические и аксиологические проблемы составляют тематический каркас этой новой дисциплины.

Текст автореферата соответствует тексту диссертации. Результаты диссертационного исследования А.А.Юрасова опубликованы в трех изданиях из перечня ВАК. Это соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, которым должна отвечать диссертация согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., N 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

Очевидны личный вклад соискателя в разработку научной проблемы и репрезентативность используемого материала. Автор обращается к большому массиву источников по теме диссертации, в том числе к актуальным зарубежным публикациям, предельно четко формулирует вклад того или иного исследователя в разработку проблем, дает их исчерпывающий критический анализ. Тщательность работы с источниками, добросовестность их критического анализа, комплексность и качество систематизации философской стороны их идей – все это прослеживается на всем протяжении диссертационного исследования.

Работа отвечает многим положениям паспорта специальности 09.00.01: N 1, 2, 6, 19, 20, 32, 46 - всего 7 пунктов. Особенно отметим пункт N 1 – «Закономерности формирования и развития научной онтологии и теории познания на основе концептуальной интеграции достижений фундаментальных наук в построение научной картины мира, а также критический анализ религиозно-идеалистической, метафизической и натурфилософской онтологии и гносеологии». Дело в том, что проблематика времени в последнее время оказалась очень востребованной среди российской научной общественности. Так, на базе биологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова более четверти века работает семинар по т.н. «темпорологии» при Институте изучения

природы времени. В 2011 г. появился научно-аналитический и образовательный журнал «Пространство и время», который ставит своей целью формирование и пропаганду научно обоснованных представлений о «постижении сущности Пространства и Времени». Однако усиление интереса к тематике времени не означает повышение ее эпистемологической ценности. Так, темы более половины докладов на упомянутом семинаре являются предметом деятельности Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН. В состав редколлегии журнала «Пространство и время», общее число членов которого около сотни человек, входит 14 процентов философов, среди которых нет ни одного специалиста по онтологии и гносеологии. В связи с этим представленная диссертационная работа оказывается очень востребованной в российском научном пространстве, так как вносит явный вклад в рационализацию изучения проблемы «времени».

Все положения диссертации нашли отражение в 8 публикациях, в том числе три – в рецензируемых ВАК журналах, две публикации – в разделах коллективных монографий по тематике философии сознания и методологии искусственного интеллекта. Тексты этих работ покрывают содержание диссертационного исследования. Это позволяет судить о полноте изложения материалов диссертации.

Тем не менее, считаю необходимым сделать ряд замечаний.

1. Общая схема изучения феноменов времени в сфере субъективной реальности задается интересной концептуальной конструкцией, которая более тридцати лет назад была предложена руководителем диссертанта – профессором Д.И.Дубровским. Феномены субъективной реальности и, в частности, сознания, изучаются средствами т.н. «философского квадрата» путем погружения их в четырехмерное поле онтологических, гносеологических, праксеологических и гносеологических исследований. Однако вполне очевидно и то, что значение и смысл термина «сознание» имеет достаточно релятивный статус. Если для представителей англосаксонской традиции понятие «сознания» (точнее, для той формы сознания, которая обозначается термином «consciousness») различается не более, чем по десяти основаниям, то, например, «сознание» в буддистской традиции имеет более сотни значений, обусловленное эстетическими и этическими аспектами. Примерно такое же замечание относится и к анализу слова «время». Диссертант придерживается русскоязычной традиции выделения трех форм времени – прошлое, настоящее, будущее. В английском языке, как известно, тоже три формы. Однако в зависимости от того, является ли действие завершенным или длительным, получается 12 временных форм. Каждая форма вносит достаточно четкие нюансы в понимание длительности действия, его осуществления в событии и пр. Поэтому исследовательский квадрат следовало бы дополнить еще одним измерением, скажем, культурологическим, так как в зависимости от той или иной социокультурной идентичности носителя языка, различается трактовка «времени». На наш взгляд, подобное рода положение следовало бы

внести в методологию исследования, иначе получается впечатление, что работа выполнена с позиции классического субъекта. Более того, учет смысловой релятивности терминов «сознание» и «время» позволяет осуществлять исследование с позиции более современной, постнеклассической методологии.

2. Не совсем понятно, какую форму «сознания» имел в виду диссертант при изучении времени как феномена сознания. В современной философии сознания выделяют квалиативную форму (сознание как квалиа), феноменальное сознание (в понимании которого участвует пространственная метрика упорядочивания явлений сознания), акцессное, нарративное, проективное сознание. Все эти формы «сознания» предполагают различную трактовку времени. Например, для нарративного сознания «время» – это степень близости даты создания автобиографического описания личности к текущему моменту. Для проективного сознания (каково быть x ?, где x – произвольный субъект) «время» – это эмпатическая аналогия сопереживания ментального приватного времени и «времени» другого субъекта. Исходя из анализа текста следует предположить, что диссертант имел в виду квалиативную форму сознания, «время как квалиа». Если так, то результаты данной работы могут стать важной методологической и мировоззренческой составляющей исследований времени, которые сегодня проводятся известным когнитивным ученым Т.В.Черниговской. В этих исследованиях феномен времени соотносится с изучением «биологических часов» и нейромозговых коррелятов сознательной активности.

3. Особые замечания касаются теоретических оснований, которые выбраны диссертантом для конструктивной критики с целью выявления специфики собственного подхода к определению связи между ментальным и объективным временем. Диссертант выбирает логику времени, разработанную А.М.Анисовым. Мы вынуждены не согласиться с тем утверждением, которое А.М.Анисов выдвинул в 1991 г.: «течение времени отсутствует в научной картине мира». А как же общая теория относительности, в которой за основу приняты деформации пространства-времени, где время – это собственно «текучесть» пространственных форм? Если взять за основу более приближенные к сути работы диссертанта теории, то следует отметить экспериментально подтвержденную теорию системоквантов К.В.Судакова, основанную на изучении смены стадий формирования динамики функциональных систем, т.е. теории, предложенной П.К.Анохиным. Разве смена стадий не суть «течение времени»?

Так же представляется сомнительным то утверждение, что именно А.М.Анисов впервые предложил компьютерную метафору времени, в рамках которой течение времени отождествляется с вычислительным процессом. Мы никоим образом не умаляем заслуг А.М.Анисова, но диссертант в этом пункте неправ. Время, как фундаментальный атрибут субъективной реальности, о чем диссертант вполне справедливо неоднократно повторяет, инкорпорировано в представления вычислительного процесса. Компьютерная системотехника принципиально основана на формализации «длительности», «те-

кучести», синхронизации электронных преобразований с целью управления дискретными состояниями (в цифровых компьютерах) или для получения интегрально-дифференциальных результатов непрерывных вычислений в аналоговых компьютерах. Очевидно, что такие компьютерные решения – это формализованные представления «времени», созданные разработчиком компьютера на основе изучения субъективной сферы «течения времени». Еще более четко компьютерная метафора «текучести времени» проявляется в программах имитационного моделирования систем массового обслуживания, в которых создаются специальные средства генерации темпоральных последовательностей и изучается диахронное/синхронное поведение реальных систем. Наконец, данная оппозиция в конце 1980-х годов представляла особую методологическую проблему, которая решалась путем совмещения сетей Петри с диаграммами Ганта (сеть Петри фиксирует только моменты наступления событий при абстрагировании от длительности становления событий, диаграмма Ганта, напротив, фиксирует только длительности, в то время, как определение момента наступления события становится проблематичным). И наконец, компьютерная метафора текучести времени особое значение имеет в системах принятия решения или, с учетом современной этимологической практики, в системах управления «знаниями». В этих системах создаются специальные модели «времени», в которых принимают решения, как правило, коллективные субъекты. Для каждого субъекта задается собственное, специфическое течение «времени».

Несмотря на отмеченные замечания, основания для конструктивной критики логики А.М.Анисова выбраны правильно. Именно, диссертант достаточно убедительно показал, что метамоделю динамических процессов не способны отразить собственно динамику процесса. Метамоделю обеспечивают фиксацию срезов динамики, но не динамику как таковую. А.М.Анисов использует понятие метамомента для раскрытия динамики временной последовательности. Диссертант, напротив, предлагает погрузиться в саму динамику. Изменчивость фрейма «квази-теперь», собственно, и отражает текучесть процесса, никаких метамоделей не требуется. Иначе, как справедливо отмечает диссертант, возникает проблема дурной бесконечности, когда для дескрипции требуется мета-дескрипция, для мета-дескрипции – мета-мета-дескрипция и т.д.

4. Диссертант тщательно критикует, опираясь на Хайдеггера, «расхожее представление о времени». Однако в своей работе он пользуется «расхожими представлениями о компьютере». Для автора (как и для А.М.Анисова, на работы которого автор опирается в данном вопросе), компьютер отождествляется с линейным компьютером Бэббиджа-Тьюринга-Неймана. Объективное время, в самом деле, моделируется последовательностью инструкций по реализации вычислительного процесса. Однако в этой последовательности имеются структуры выбора, итерации и рекурсии. То есть представление течения времени даже для бытовой концепции компьютера значительно отличается от линейной формы. Для параллельных компьютеров снимается противоречие между диахронным/синхронным аспектами представления време-

ни, так как возникает возможность синхронизировать длительности отдельных параллельных вычислений. В нейрокомпьютерах такие параллельные процессы реализуются квазиалгоритмическим способом. В квантовых компьютерах время становится основополагающим фактором вычислений, так как благодаря выбору определенного масштаба квантования вычислительных процессов, появляется возможность представлять вычислителя-вычисляемое в едином формате. В связи с этим, компьютерная метафора «течения времени» не имеет строго фиксированного формата и отнюдь не связана с вычислением как последовательностью команд. По всей видимости, если бы диссертант принял к рассмотрению параллельный компьютер, то тогда отпала бы необходимость отстаивать пункт 3 положения, выносимого на защиту: «Так как настоящее обладает продолжительностью, в нем должны содержаться разновременные события, что противоречит свойству синхронности настоящего». В параллельном способе следования событий данное противоречие, по всей видимости, снимается: разновременные события (в порядке их выделения из общей массы событий) одновременно участвуют в едином процессе.

5. Следует отметить небольшую стилистическую небрежность. Русскоязычные авторы представлены верно, с кратким обозначением имени и отчества. Однако все иностранные авторы имеют только фамилии, без инициалов. Совместное употребление латинского и русского сочетания словоформ в слове ««quasi-теперь»» представляется неправильным, так как подобного рода слова принято приводить к единому алфавиту. С другой стороны, возможно то, что лингвистическое противоречие в этом термине призвано более выпукло представить логическое противоречие в конструкции, заключенное в дефиниции «квази-теперь»?

6. Классификация ментальных элементов времени α -, β - и т.п. представляется существенным нововведением автора (С.89-91) и подчеркивает философско-аналитическую направленность работы, так как проясняет роль времени в структуре субъективной реальности. С их помощью путем простых комбинаторных сочетаний показано, каким образом ментальное время обеспечивает единство сознания. Ментальный элемент любого типа либо темпорален (то есть существует в ментальном времени), либо связан с каким-то темпоральным элементом с помощью: 1) единства явления и являющегося и/или, 2) единства абстрактного и конкретного. Классификация интересна, однако система кодирования классов неудачна: использование греческой символики в обозначении классов затрудняет понимание.

Данные замечания не являются недостатками и не влияют на положительное впечатление о работе. В работе по сути формулируются предложения по созданию прикладной философской дисциплины – «философии времени» с ее специфической предметной областью, которую диссертант обозначил в форме логически связной системы проблем, особым категориальным и методологическим аппаратом. В сфере нейрофилософии как методологии нейронауки обозначены способы координации и систематизации методов и средств решения психофизиологических проблем касательно темати-

ки связи субъективного переживания времени с объективными репрезентациями и с их нейромозговыми коррелятами. В прикладном плане это означает теоретическую проработку вопросов создания нейроинтерфейсов, в которых темпоральные характеристики становятся основными, в отличие от существующих в настоящее время ориентиров на репродуцирование пространственных образов. Для методологии междисциплинарных исследований искусственного интеллекта работа интересна тем, что в ней систематически обозначены методы и концептуальные средства инженерии «знаний» для многоаспектного представления «времени» в контексте интерсубъективного взаимодействия производителей и пользователей «знаний» в интеллектуальных социальных сетях.

Поэтому считаю, что работа А.А.Юрасова является новаторской, самостоятельной, оригинальной, развивает важную актуальную проблематику, задает вектор междисциплинарным исследованиям проблемы времени и, что немаловажно для рационального развития электронной культуры информационного общества, достаточно четко позиционирует концептуальную роль философа в контексте конвергентного развития НБИКС-технологий, раскрывая многообразие проблем, разрешимых исключительно на уровне философской рефлексии.

Работа полностью отвечает тематике онтологических и гносеологических исследований с учетом аксиологических и праксеологических коннотатов тематики «времени».

Общий вывод. Диссертационное исследование Юрасова Андрея Александровича является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи определения категории времени в структуре субъективной реальности. Данная задача имеет значение для развития онтологии и теории познания в рубрике аналитической философии сознания. По актуальности избранной темы, степени обоснованности научных положений и выводов, их достоверности и новизне, диссертационная работа А.А.Юрасова соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук п.9. «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 — онтология и теория познания.

Доцент кафедры информатизации культуры Московского государственного университета культуры и искусств,
координатор научных программ Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта,
кандидат философских наук

А.Ю.Алексеев

«31» октября 2014 г.

